

Принципиальная модель взаимовлияния прямых и обратных социальных связей в инновационной деятельности

A fundamental model of the mutual influence of direct and reverse social connections in innovation

Иванова В.Н.

Специалист по кадровой работе Общества с ограниченной ответственностью «Металлургпроект», г. Москва
e-mail: vn_ivanova@mail.ru

Ivanova V.N.

HR Specialist of the Limited Liability Company "Metallurgproekt", Moscow
e-mail: vn_ivanova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена методологии и механизмам инновационного типа социально-экономического развития с учетом влияния институциональной среды. На основе предложенной ранее динамической модели инновационного развития рассмотрены механизмы взаимовлияния прямых и обратных социальных связей. Предложена принципиальная модель такого взаимодействия и взаимовлияния, поскольку для описания такой связи применение чисто математических, как детерминированных, так и стохастических методов – уже неприемлемо. Анализируются особенности российских институциональных реалий с точки зрения механизмов интенсификации обратных социальных связей в зависимости от того либо иного состояния институциональной среды. Обоснование предложенной модели проведено на основе эмпирического анализа, в частности, событий Отечественной войны 1812 г., Великой Отечественной войны. Делается вывод о неоднозначной диалектической связи между институциональной средой и конкретными формами институциональных логик. Хотя детерминированной, объективной связи между состоянием институциональной среды и успешностью инновационного развития нет, но такая связь однозначно существует, но реализуется выборочно благодаря субъективным факторам. Делается вывод о том, что логика и диалектика исторического процесса дают право утверждать, что элементы тоталитаризма в том или ином масштабе будут неизбежно присутствовать во всех деяниях людей. Современное же их проявление в социальной, идеологической и правовой жизни общественных формаций следует рассматривать не в качестве эволюционного атавизма, а как необходимый и исторически закономерный элемент, обеспечивающий выживание человеческого общества в борьбе с собственными негативными эксцессами и с объективными внешними природными трансформациями.

Ключевые слова: социальные отношения, инновационная деятельность, институциональная среда, институциональная логика, прямые и обратные связи, экстернальный эффект, дипломатия, военные действия, коррупция, тоталитаризм, диалектика.

Abstract

The article is devoted to the methodology and mechanisms of innovative type of socio-economic development, taking into account the influence of the institutional environment. On the basis of the previously proposed dynamic model of innovative development, the mechanisms of mutual influence of direct and reverse social connections are considered. A fundamental model of such interaction and mutual influence is proposed, since the use of purely mathematical, both deterministic and stochastic methods to describe such a relationship is no longer acceptable. The features of the Russian institutional realities are analyzed from the point of view of the mechanisms of intensification of reverse social ties, depending on a particular state of the institutional environment. The justification of the proposed model is based on an empirical analysis, in particular, of the events of the Patriotic War of 1812, the Great Patriotic War. It is concluded that there is an ambiguous dialectical connection between the institutional environment and specific forms of institutional logics. Although there is no deterministic, objective connection between the state of the institutional environment and the success of innovative development, but such a connection definitely exist, but are selectively realized due to subjective factors. It is concluded that the logic and dialectics of the historical process give the right to assert that elements of totalitarianism on one scale or another will inevitably be present in all the actions of people. Today, their manifestation in the social, ideological and legal life of social formations should be considered not as an evolutionary atavism, but as a necessary and historically natural element that ensures the survival of human society in the fight against its own negative excesses and objective external natural transformations.

Keywords: social relations, innovative activity, institutional environment, institutional logic, direct and feedback, external effect, diplomacy, military actions, corruption, totalitarianism, dialectics.

Математический аппарат инвестиционных (ресурсных) рисков базируется на двух понятиях - ожидаемого значения случайной величины и вариации (дисперсии) той же самой случайной величины [1]. Риски же обеспеченности потенциала саморазвития в процессе реализации инновационного проекта только начинают входить в арсенал научного анализа. Так в работе [2] нами сделана попытка обоснования модели инновационного социально-экономического саморазвития и на ее основе – предложен математический метод оценки устойчивости и динамики развития инновационной деятельности в зависимости от условий и факторов функционирования институциональной среды. Здесь в качестве инновационного риска предложено рассматривать определенный комплекс интенсивностей обратных социальных и экономических связей, сформированный в виде дискриминанта системы однородных дифференциальных уравнений первого порядка. При этом знак (плюс либо минус) этого дискриминанта характеризует возможность запуска инновационного процесса по типу саморазвивающейся системы, а величина дискриминанта системы дифференциальных уравнений – отвечает за запас устойчивости такого запуска. Последнюю величину можно рассматривать как инновационный риск. Однако при этом предложенная модель не дает возможности напрямую оценить влияние институциональной среды (которая сама по себе может быть рассмотрена как комплекс прямых связей, воздействующих на инновационный процесс), на критерий устойчивости запуска инноваций. Величина дискриминанта системы дифференциальных уравнений никак не зависит от свободных членов в ней, а они как раз и соответствуют прямым связям. С одной стороны, экономическая практика однозначно указывает на то, что успешность функционирования институциональной среды благоприятно сказывается на экономике в целом и на инновациях в частности. Но в то же время опыт авторитарных режимов, где та же

институциональная среда или точнее – гражданское общество, - обременено и коррупцией, и безынициативностью со стороны масс, и чаще всего – отсутствием профессионализма среди чиновников [3, с 107], - также иллюстрирует возможность и успешность реализации инновационных проектов. Подобное как раз и происходит в России с разработкой перспективных видов оружия. Все это говорит о том, что хотя детерминированной, объективной связи между состоянием институциональной среды и успешностью инновационного развития нет, но такая связь вполне возможна, т.е. она реализуется, так сказать, выборочно. Скорей всего благодаря субъективным факторам.

Для описания такой связи применение чисто математических, как детерминированных, так и стохастических методов – уже неприемлемо. Поэтому предлагается принципиальная модель, иллюстрирующая возможность влияния институциональной среды на интенсивность обратных связей только социального типа, которая представлена на рис. 1. Во главе схемы располагается блок фундаментальных социальных противоречий, поскольку именно социум является первичным элементом всей хозяйственной иерархии в обществе с одной стороны, а с другой – именно разрешение противоречий является движущим фактором любого саморазвития. Часть подобных социальных противоречий описана, например, в работе [4]. Иллюстрацию же работы схемы согласно приведенному ниже рисунку, покажем в части взаимодействия блоков 8 и 2, а также блоков 9 и 3 с использованием исторических эпизодов эволюции российского общества в условиях Великой Отечественной войны (ВОВ) и послевоенного восстановительного периода. Указанный временной отрезок изобилует инновационными решениями. Во-первых, военные действия всегда предусматривают эвристические подходы как на уровне стратегического планирования армейских и фронтовых операций, так и на уровне боевого применения отдельных воинских частей и подразделений. Кроме того, военные действия предполагают использование диалога между враждующими сторонами, а также - дипломатических переговоров между союзниками. И в тех, и в других случаях именно инновационные решения гарантируют успех вооруженного конфликта. Ведь – война, по Карлу фон Клаузевицу, есть продолжение политики, только иными средствами.

В то же время политика всегда имеет социально-экономическую подоплеку. Именно поэтому сороковые годы прошлого столетия для России являются ключевыми в ее становлении как мировой державы в современном уже временном измерении. А ее в то время руководители, несомненно, вошли в истории как ключевые фигуры международного уровня и определили ее будущее.

Любой прогноз в будущее предусматривает фиксирование точки отсчета. И количественно, и качественно. Будущее России в XXI в. логично сопоставить с ее прошлым в предыдущем, XX в. Какое же при этом событие XX в., символизирующее Россию, можно было бы назвать, имея в виду и историческую его значимость, и конкретных действующих в нем лиц, и конкретный момент времени? На наш взгляд, в качестве такого события, фиксированного во времени и в историческом пространстве, при подобном подходе можно было бы рассмотреть вечер в Кремле 8 мая 1945 г. Что же случилось тогда? А случилось вот что. Сталин принял капитуляцию Германии и устроил небольшой ужин в кругу своих близких соратников. И, естественно, поднял первый тост в связи с Победой. Эпохальный момент! А за кого же был этот тост?

Рис. 1. Принципиальная схема запуска инновационной деятельности на основе взаимодействия прямых и обратных социальных связей

Источник: составлено автором

Сталин сказал буквально так: «Выпьем за Вячеслава!». Он имел в виду Вячеслава Михайловича Молотова, министра иностранных дел [5]. Мне сразу же могут возразить – ведь это все из эпохи махрового тоталитаризма. Правильно, именно о тоталитаризме и пойдет речь в дальнейшем. Дело в том, что догмы (точнее *первичные догмы*), которые дали возможность на протяжении десятилетий возвращать тоталитаризм коммунистического толка (и не только его, но и тоталитаризм в виде фашизма), после поражения Третьего рейха и особенно после распада Советского Союза породили куда более опасные для будущего человеческого сообщества догмы – назовем их *вторичными*. Эти вторичные догмы, рисуящие все события недавнего исторического прошлого через призму «угара» тоталитаризма, навязали мировой практике множество концепций, которые неизбежно будут тормозить, и уже порой тормозят развитие социального и философского мировоззрения человечества. Это не что иное, как на схеме рис. 1. взаимодействие блока 8 с блоком 2, когда предшествующие инновации закладывают структуру и механизмы формирующихся на анализируемый момент времени обратных социальных связей. Ведь негативное восприятие большинством россиян советского периода в качестве тоталитарного режима – не что иное, как социальный вызов, социальный протест.

Подобные случаи уже существовали в истории целых стран. Взять, к примеру, Францию с ее, так сказать, особым взглядом на все, что касается

кредитно-денежных отношений, а попросту – бумажных денег. Ее опыт доверчивости к идеям шотландского авантюриста Джона Ло, предложившего в XVIII в. решить все финансовые проблемы Франции через эмиссию бумажных денег (создание Эмиссионного банка), до сих пор довлеет над французами в виде тех самых вторичных догм [6]. Франция последней отказалась от золотого стандарта, а французы до сих пор самые рьяные в Европе приверженцы *тезаврации* - хранения сбережений в виде золота. Парадоксально здесь то, что при этом именно французский президент Шарль де Голль сам и «взорвал» Бреттон-Вудское соглашение по привязке мировых валют к золотому их содержанию (последний оплот идеологии золотого стандарта), отправляя целые самолеты с долларами США за океан, чтобы поменять там их на золото. Это было на рубеже 60– 70-х годов. Сейчас стало уже традицией подсмеиваться над французами по поводу их недоверия к бумажным деньгам, называя при этом их «металлистами». Когда золотые монеты уже не ходили, но золотые слитки еще можно было покупать в банках, мелкие французские тезавраторы частенько в складчину покупали такой слиток и в ближайшей мастерской распиливали его на части. У нас в России вторичные догмы тоталитаризма можно с успехом отождествлять с, мягко говоря, странными поведенческими стереотипами французов. Однако над нами никто не подсмеивается в других странах по этому поводу, а даже наоборот стараются такие именно страхи подогреть. Примером может служить скандально известное сочинение Виктора Суворова (Резуна) [7], вызвавшего волну протеста против его надуманных, но наспигованных обильным псевдофактологическим материалом умозаключений [8]. И даже в самое последнее время зарубежные философы-теологи рисуют, в первую очередь для нашего российского «потребления», монстра в виде тоталитарного возмездия человечеству за его грехи перед Всевышним [9].

Заметим сразу же, что носителями вторичных догм оказываются именно те страны и народы, которые породили их первичные образчики. Ведь в Германии в начале 20-х годов денежная система претерпела куда более глубокий кризис, чем это было во Франции в упомянутые выше времена. Однако в Германии никогда не было недоверия к бумажным деньгам, какое до сих пор бытует во Франции. Потому, что Германии небывалая ни до, ни после в мировой истории гиперинфляция была навязана войной и огромной контрибуцией в результате ее, а Франция сама влезла в ту самую авантюру, поэтому и «дует на воду» до сих пор.

Ну а что же такое тоталитаризм сегодня и в ближайшем будущем? Если оставаться в рамках очерченных аналогий из прошлого, то это те же самые бумажные деньги, которых так боялись все страны, и не только Франция, в прошлые времена, которые сейчас приносят массу неприятностей и еще будут дарить досадные сюрпризы, но в то же время без которых уже мировой экономике не обойтись никогда. Они не совершенны по своей природе, но ведь они же снискали себе титул самого яркого изобретения, когда-либо сделанного человеком. И это, еще раз повторим, - всем сегодня известные бумажные деньги.

Логика и диалектика исторического процесса дают право утверждать, что элементы тоталитаризма в том или ином масштабе будут неизбежно присутствовать во всех деяниях людей. Сегодняшнее же их проявление в социальной, идеологической и правовой жизни общественных формаций следует рассматривать не в качестве эволюционного атавизма, а как необходимый и исторически закономерный элемент, обеспечивающий выживание человеческого общества в борьбе с собственными негативными эксцессами и с объективными внешними природными трансформациями. И этот, пока еще не выпяченный, элемент будет постоянно расширять свой «ареал обитания». И далеко ходить не надо. Теракты 11-го сентября 2001 г. в Нью-Йорке и в Вашингтоне перевернули

всю идеологию, как во внутренней жизни США, так и во внешнеполитическом ее аспекте. Многие законопроекты, направленные на расширение правовых демократических основ и личных свобод граждан, легли пылиться на полки и, видимо, очень надолго, если не навсегда. Более того, углубляющийся процесс глобализации мировой экономической системы ставит вопрос о необходимости кардинальных решений перед развивающимися странами с целью сохранения своего экономического и политического суверенитета. Подобные решения в виде, например, «мембранных границ» [10], потянут за собой широкий спектр правовых внутренних норм, неизбежно включающих в себя элементы тоталитарного режима. И это есть объективная неизбежность. Иначе та же глобализация, иницируемая «ядром» или, как его еще называют, «золотым миллиардом», себя же и утопит в подобных отмеченным выше терактах или других бескомпромиссных ответных реакциях «периферии».

Сама собой напрашивается еще одна аналогия, показывающая как инновационная, новаторская, но достаточно догматическая и тотальная идея, захватив первоначально чуть ли не все пространство в присущей ей сфере бытия, очень скоро сама себя изживает, но, тем не менее, оставляя яркий след во всей последующей истории в своей области. Эта аналогия из сферы искусства, точнее музыки. Имеется в виду двенадцатитоновая додекафоническая музыка, музыка Шенберга [11]. Она не прижилась в том виде, в каком он ее пропагандировал. Были последователи, были слушатели, даже сегодня они есть. Но нет сегодня композитора, который бы писал чистую додекафонию (этот термин не надо путать с какофонией, т.е. беспорядочным набором звуков), как нет также ни одного композитора-симфониста, который бы не использовал в своем творчестве элементы додекафонии (двенадцатитонового лада). Сегодня без додекафонии любая серьезная музыка все равно, что театр без вешалки. Другими словами – даже те инновации, что потерпели фиаско и не реализовали в социуме ожидаемый экстернальный эффект, тем не менее, имеют огромное влияние на вновь формирующиеся инновации, их структуру, форму, механизмы реализации и, конечно же – на их интенсивность.

Но вернемся к тоталитаризму как социальному проявлению эволюционного развития той либо иной страны. Это самое противоречивое явление, как в своем историческом проявлении, так и в понятийном аспекте. Ведь тоталитарность подразумевает всеобщность. Всеобщность идеологии, всеобщность уравнивания в правах, всеобщность экономических постулатов и т.п. Но в то же время мы знаем, что всеобщей может быть только одна категория – сама диалектика. И больше ничего! А это значит, тоталитаризм не в силах подчинить себе полностью ни идеологию, ни экономику, ни право. Значит должны существовать какие-то «белые» пятна в том пространстве, где он практикуется. Именно в условиях тоталитаризма наиболее рельефно проявляется диалектическое противостояние институциональной среды и тех институциональных логик, что порой реализуются в конкретных условиях и непосредственно влияют на интенсивности обратных социальных связей в соответствии с взаимодействием блока 9 и блока 3 на схеме рис. 1. Эти самые «белые» пятна на теле тоталитаризма мы рассмотрим на одном не совсем обычном примере – на примере из художественной литературы, как наиболее ярком их проявлении.

Итак, повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» [12]. Герой повести всецело находится в объятиях тоталитарного режима, являясь заключенным одного из многочисленных в ту пору лагерей. По сути дела он, Иван Денисович, должен бы быть тем самым винтиком режима, который в составе всего огромного механизма подчинения и насилия, в том числе над личностью, не оставляет места для самостоятельного развития подобной личности. Однако, все не

так просто с этим простым советским заключенным. Ведь даже автор вынес его имя в заглавие своей повести. И называет его постоянно на протяжении всего повествования, в том числе в заглавии, не иначе как по имени-отчеству. Да и все другие персонажи придерживаются того же правила. Но не только этим выделяется главный герой Солженицына из большой обоймы героев-зэков, выведенных в послевоенной отечественной литературе. Основное отличие Ивана Денисовича Шухова от своих собратьев поневоле – *отсутствие* у него полностью *самоощущения как жертвы* кого-то или чего-то. Ведь жертва не может быть настоящим героем ни одного художественного произведения. Читатель не воспринимает даже активно борющуюся жертву в качестве образа, которому он, читатель, хотел бы подражать. А без этого любое произведение обречено на второсортность, как бы ни было оно нашпиговано страданиями и негодованиями. Шухов вроде бы даже доволен своей судьбой, – все им задуманное получается, оптимизма ему не занимать, да и окружающие питают к нему уважение. Ну, а уж читатель-то, по себе знаю, души в нем не чаёт. А уж, казалось бы, чему здесь восторгаться-то? Но читали же эту повесть в захлеб в свое время, да и сейчас, кому она теперь уже случайно попадет в руки, – уж не выпустят, пока не дочитают. И, прочитав, не понимает, почему Иван Денисович не выходит из головы. Поэтому-то не зря неизвестного тогда никому А. Солженицына представлял, чуть ли не сам К. Симонов к Ленинской премии за эту повесть. Можно с уверенностью сказать, что Солженицын получил впоследствии Нобелевскую премию исключительно благодаря своему Ивану Денисовичу (хотела написать для краткости просто *Ивану*, а рука вот не поднимается). Все остальное написанное Солженицыным, хотя и огромно, как по физическому объему, так и по историко-социальному охвату, едва ли может сравниться с упомянутым выше шедевром даже не прозы, а где-то уже поэзии.

А секрет здесь вот в чем. Солженицыным использован прием художественного *обобщения через нетипичный образ*, достаточно глубоко разработанный в отечественной литературе. Вспомним, например, советские романы-эпопеи, наиболее ярко передающие атмосферу революции и гражданской войны. Их по сути дела всего-то по большому счету два – трилогия «Хождение по мукам» А. Толстого и роман «Тихий Дон» М. Шолохова. И в обоих главные герои – это нетипичные представители той эпохи социальных катаклизмов. В первом случае мы сталкиваемся с интеллигенцией, во втором – с казачеством. А ведь главные-то персонажи кровавых тогдашних схваток были рабочие, крестьяне, помещики (считай дворянство) и, конечно же, та самая буржуазия (по-старому фабриканты). Казаки и интеллигенция напрочь выпадают из этого списка. Но это в жизни, в реальной истории, а в художественной литературе все оказывается совсем не так. Хотя литературный образ порой бывает более правдив, чем самая, что ни на есть достоверная биография его реального прототипа. И поэтому институты гражданского общества, формирующиеся, в том числе и на литературных образах, бывают очень консервативны и далеко не идентичны реальным историческим персонажам.

Не умаляя писательский талант Солженицына, отметим, что успех его повести во многом обусловлен именно глубиной диалектической противоречивости самого тоталитарного режима, которая и была так неожиданно и целостно преподнесена читателю. А значит, подобная противоречивость должна широко проявляться и во многих других сферах общественного бытия. И формы ее проявления должны быть чрезвычайно многообразны, а социальное ее восприятие – должно быть тем более неоднозначным.

Из предыдущего краткого анализа можно сделать вывод о возможности относительно устойчивого во времени сосуществования в данном обществе как

тоталитарных, так и чисто демократических элементов. Если на нашем примере тоталитарный тип бытия охватывал замкнутые области противоположного ему свойства, то вполне обоснованно можно утверждать о существовании обратной картины, когда устойчивые очаги тоталитаризма охвачены бытием с демократической начинкой. А это уже достаточно заманчивый путь, поскольку дает шанс на локальное использование в хозяйственной деятельности той или иной страны наиболее удачно проявивших себя элементов тоталитарного управления без особого ущерба для окружающих его, пусть даже чисто рыночных, отношений. И при этом не будет наблюдаться серьезного антагонизма между областями со столь различными по своей сути исходными идеологическими постулатами и различными по величине размерами этих областей, охваченных таковыми постулатами. В качестве последних следует рассматривать в первую очередь области экономического вида. Ведь по сути своей тоталитаризм как система управления всегда был направлен на решение определенных экономических задач, и больше ни на что, также как и любая другая форма государственного управления, т.е. попросту насилия – как чисто экономического, так и, конечно же, социального и идеологического.

Логическая неизбежность введения в систему управления государствами, как развитыми, так и развивающимися, тоталитарных методов из общих соображений обосновывалась выше. Что же касается чисто экономического обоснования невозможности в условиях современного развития мирового хозяйства простого выживания развивающихся стран без элементов тоталитаризма, то оно приведено, например, в работе [13]. В ней показано, что навес в виде эволюционной инфляции не может быть компенсирован ни за счет внутренних, ни за счет внешних резервов (как чисто материальных, так и волевых) без ломки исторического процесса. Для последней имеется лишь две альтернативы – оккупация данной страны со стороны развитых стран либо введение тоталитарного режима в этой стране и свертывание большинства рыночных реформ. Реально, конечно, можно ожидать реализацию какого-то промежуточного варианта, но опять же с обязательными элементами тоталитаризма. Теперь же нами поднимается вопрос с противоположной стороны – надо-то надо, а вот возможно ли это. Ответ звучит однозначно – вполне возможно.

Это, что касается «белых» пятен, т.е. совместимости, казалось бы, несовместимых вещей и явлений, и их неожиданного практического приложения в интересах вопросов стратегического управления хозяйствами различных по своему развитию стран. Попробуем теперь проанализировать, сначала логически, а затем на некоторых реальных исторических примерах, динамику развития противоречий внутри самого тоталитаризма, но опять же в сфере личностной, т.е. через мироощущения и поступки людей, уже непосредственно являющихся носителями упоминавшихся выше тоталитарных *первичных догм* (будем называть их для простоты пока именно так). Личностная ориентация при подобном анализе обосновывается особенностями современного философского подхода к явлениям и закономерностям исторических процессов. Дело в том, что *«социальная философия XX века все более осознавала неправомерность как требования подчинения личности общественному целому, так и возвеличивания общества в ущерб личности, заложенных в философской классике»* [14]. Именно поэтому и возникает актуальность как пересмотра многих теоретических выводов историко-философского плана в отношении событий минувшего века, так и разработки новых подходов к этим событиям, во главу угла для исследования которых следует ставить как раз социальные отношения и личность. Личность и как чисто историческую, и как обобщенную, в том числе выведенную в рамках

художественного произведения. Последний подход как раз и реализован нами несколькими страницами выше при рассмотрении повести А. Солженицына.

Тоталитаризм как явление и как система управления хозяйством очень многогранен. Но поскольку мы решили ограничиться для его анализа областью надстройки, т.е. областью его социальных отношений, то именно с этой точки зрения и попытаемся представить систематизацию форм проявления тоталитарных режимов. Ведь часто можно услышать, что русских царизм ничем не отличался от тоталитарного строя. А это ведь принципиально не верно. Глубина охвата страны реально внедренными тоталитарными постулатами прямо зависит от наличия и форм проявления самостоятельности социальных элит в этой стране. Где был самый слабый тоталитарный режим в форме фашизма? В Испании. Там генерал Франко фактически был марионеткой финансовой элиты. В Италии Муссолини также заискивал перед элитой, не будучи в силах полностью ее подчинить себе, естественно, лишив ее в первую очередь собственности. В Германии Гитлер мог бы спокойно покончить с элитой в лице небольшой группы оставшихся собственников - собственников предприятий и концернов тяжелой промышленности, через национализацию последней, но почему-то не сделал этого, о чем впоследствии вместе с Г. Герингом они сожалели [15]. И только в Советском Союзе элита в любой ее форме, – и в лице привилегированных сословий, и в лице финансовых и других собственников, была ликвидирована под корень. Власть экономическую и власть идеологическую делить было не с кем. Подобное деление форм развитости тоталитаризма приведено, в частности, в предисловии к известной монографии И. Феста [16]. Признанный, правда в основном на Западе, талант И. Феста как публициста и историка, проявившийся при анализе эпохи Третьего рейха, выгодно отличает его упомянутый трехтомник от достаточно распространенных второсортных исследований тоталитарных режимов через личности их лидеров, например, представленных в книге Э. Фромма [17] и упоминавшейся выше книге Л.Б. Черной. Но даже у И. Феста отсутствует остро востребованный сегодня чисто философский анализ тоталитаризма через призму трех основных законов диалектики [18]. Что уж тут говорить о нашей отечественной литературе, где до сих пор преобладают пока еще одни эмоции в отношении нашего великого и одновременно противоречивого прошлого. Я имею в виду опыт строительства социализма в нашей стране.

Но вернемся к личности В.М. Молотова. Будучи самым близким и почти единственным единомышленником И. Сталина во время Великой Отечественной войны, он заслуженно снискал себе лавры лучшего дипломата XX в., как о нем отзываются западные, в первую очередь американские, политические деятели [5]. Естественно, как один из лидеров тоталитарного государства он с тем же успехом обвиняется и во всех мыслимых и не мыслимых грехах, в первую очередь в репрессиях того времени. При этом нисколько себя не оправдывая, а даже наоборот обосновывая неизбежность жесткой линии со стороны государственной машины в отношении многих и многих людей. Не будем здесь разбирать этот больной для минувшей эпохи вопрос, поскольку однозначного ответа на него едва ли когда-нибудь удастся получить. Остановимся лишь на вкладе самого «Молотошвилли», как его называл Сталин, в ту самую Победу, тем самым раскроем социальные отношения Молотова со Сталиным. Может показаться, что применять понятийную категорию социальных отношений к отношениям всего-то двух человек, и на этом материале делать какие-то обобщения в отношении институциональной среды того времени – не совсем корректно. Обычно такие отношения рассматриваются как сугубо личные, и только лишь. Но ведь именно эти двое играли ключевые роли в истории России, а принимаемые ими как личностями решения легли в основание победы в ВОВ.

Итак, весна 1942 г. Только трое знают предполагаемый маршрут полета одиночного самолета-бомбардировщика ТБ-7 из Москвы в Лондон, на котором полетит Молотов к У. Черчиллю, а потом к Ф. Рузвельту в Вашингтон. Это сам Молотов, Сталин и бывший личный пилот Сталина, а в то время командующий авиацией дальнего действия (АДД) генерал-лейтенант Александр Голованов (возраст чуть больше тридцати). Даже заместитель последнего не знает, как проложен маршрут. Единственная карта с ним хранится у Сталина в сейфе. Полетят тоже только трое пассажиров – Молотов, его личный переводчик Павлов и генерал-майор Исаев. Представитель военных вошел в состав этой мини-делегации по настоянию самого Ф. Рузвельта. Самолет поведут без прикрытия истребителей лучшие головановские асы во главе с командиром корабля С. Асямовым. Задача Молотова – получит у союзников документальное согласие на открытие Второго фронта в Европе и желательно в том же 1942 г. Кодовое название операции – визит «господина Брауна». Черчилль тоже готовится к встрече миссии, но как увидим, по-своему.

Вылетели 20 мая. Через воюющую Европу, под огнем зенитных батарей и под прицелами неоднократно атаковавших немецких истребителей. Но Бог миловал, и экипаж не подвел. Черчилль встретил ультиматумов. Пусть, мол, сначала Рузвельт даст согласие, а уж потом можно будет и советско-английское коммюнике о Втором фронте готовить. А пока вот отдохните после перелета, посмотрите наши новые самолеты, посмотрите окрестности Лондона. Гостеприимен, ничего не скажешь. Но...новый английский самолет во время демонстрационного полета разбился, в результате этой авиакатастрофы погиб командир ТБ-7 С. Асямов. И автомобиль, на котором ехал генерал-майора Исаева также попал в аварию, а наш военный представитель в итоге – в госпиталь [19]. Сталин после этого скажет: «Ну, и *союзнички* у нас». Хорошо, что еще сам наш самолет остался цел. Не зря экипаж не отходил от него ни днем, ни ночью, ночуя прямо в кабине. Но что толку от целехонького аэроплана, если без его командира англичане, ссылаясь на международные нормы, не дают разрешения на вылет в Америку. Вот тут-то и выручила предусмотрительность А. Голованова, – у нашего второго пилота тоже был, как сейчас говорят, сертификат на управление самолетом в качестве командира корабля. Самолет на этот раз повел легендарный Э.К. Пусэп, впоследствии Герой Советского Союза. Маршрут англичане проложили на Ньюфаундленд. В последний момент перед вылетом к Молотову подошел американский полковник и сказал: «Не летите на Ньюфаундленд, там туманы. Разобьетесь». Решение было принято лететь на одну из континентальных американских военных баз. Полет через Атлантику. Оба пассажира – на переносной скамеечке в бомбовом отсеке в кислородных масках. Приземлились как снег на голову на военный аэродром. А уж оттуда – в Вашингтон. От самолета члены экипажа не отходили, покинули его только один раз, и то по случаю прощального ужина, устроенного президентом, в качестве необходимой при этом «свиты господина Брауна».

Меня могут спросить, а что же наше посольство в Вашингтоне? Не могло, что ли поддержать своего министра иностранных дел в его миссии. Тут дело не простое. Молотов Литвинова, советского посла в США, вообще не взял на переговоры с Рузвельтом. Посол присутствовал только на официальных церемониях. Литвинову уже не доверяли ни Молотов, ни сам Сталин. Снять его с должности посла и отдать под суд как провокатора не позволяла политическая обстановка того времени. В дальнейшем он остался жив только чудом. Переговоры Молотов вел лишь со своим переводчиком Павловым. И добился-таки успеха. В Лондон он прилетел уже с согласием Рузвельта в виде двухстороннего коммюнике. Черчиллю ничего не оставалось, как тоже поставить свою подпись под

аналогичным документом. Эта победа без единого выстрела и предопределила большую Победу 1945 г. За подобные, внешне не броские подвиги Молотова и был поднят тост Сталиным в тот вечер, последний вечер официальной войны с Германией. (Фактически она закончилась не раньше 12 мая, пока не были разбиты и разоружены мощные моторизированные колонны немцев и власовцев, прорывавшиеся в сектора, контролируемые союзниками). Ведь война выигрывается политиками еще до того, как грянет первый выстрел. Во всех войнах, как и в политике, главное - выбор союзника.

Вот так работал политический тандем Сталин-Молотов. И это в условиях тоталитаризма, когда по идее есть один только лидер, а рядом не должно быть никого близко. Чем можно объяснить данный случай в истории? Здесь уже без диалектического подхода не обойтись. Но до поры до времени воздержимся от теоретических обобщений и отметим только еще один факт, относящийся к нашему тандему. Молотов был единственным человеком из рабочего окружения Сталина, с которым последний был на «ты» и не возражал, когда тот называл его старой партийной кличкой «Коба». Тандем, таким образом, не ограничивался только формальной стороной. Называя же Молотова просто Вячеславом, Сталин делал ему единственному исключение. Всех остальных он называл по фамилии – товарищ такой-то. И только Шапошникова называл по имени отчеству – Борис Михайлович. Как говорят, не в последнюю очередь за его книгу «Мозг армии».

Были попытки создания подобного политического тандема со стороны лидеров основных воюющих стран. Так у Рузвельта был Гарри Гопкинс [20], у Черчилля – Фредерик Линдеман [21], у Гитлера – Герман Геринг. Однако роль всех трех перечисленных вторых лиц ограничивалась функциями информационного обеспечения своего лидера. Гопкинс еще во время великой депрессии создал сеть осведомителей по всей Америке, которые первоначально на местах контролировали правильность расходования федеральных средств для голодающих фермеров, но потом эти же осведомители использовались Рузвельтом через Гопкинса в чисто политических целях. Профессор Линдеман, впоследствии ставший даже лордом и получившим пост министра почт, на протяжении нескольких десятков лет снабжал Черчилля аналитическими обзорами по самым различным отраслям – политике, экономике, военной стратегии и военной технике, на основе которых последний и писал свои знаменитые речи. Геринг же в рамках своего авиационного ведомства создал широкую сеть по подслушиванию телефонных разговоров в Германии и даже за рубежом. Ежедневно специальные коричневые пакеты с полученной таким образом информацией ложились на стол Гитлеру. Но именно политического тандема во всех трех случаях не получилось, хотя Геринг и был одно время министром иностранных дел, а Гопкинс объездил, чуть ли не всю Европу как личный представитель и личный друг Рузвельта. Но он не был все же членом правительственного кабинета. Причина не состоявшихся в полной мере названных политических тандемов, видимо, кроется в политических системах, существовавших в то время внутри воюющих государств. То, что там были автократии, – нет сомнений, в Германии даже и явный фашизм, но этого было мало. Нужен был полнокровный тоталитарный режим, чтобы, выиграть такую кровопролитную войну.

Итак, перейдем ко второму примеру, ломающему традиционные представления о тоталитаризме как режиме, где нет места нормальным человеческим отношениям, не говоря уж о каком-то проявлении индивидуальности в социальных отношениях. Ведь как принято трактовать коммунистический тоталитаризм – есть общество, нет личности, никто не имеет права «высовываться», кроме вождя. Еще Макиавелли говорил, чтобы деспоту было спокойно жить и управлять, он должен ежедневно обстригать те колоски на своей

ниве-вотчине, которые хоть немного, но перерастают своих собратьев. Всех под одну гребенку. И ежедневно, если не ежечасно. Но опять же, - откуда тогда берутся вещи в виде специфических социальных отношений, о которых мы повествовали выше и о которых еще пойдет разговор ниже?

Пойдем дальше. Тема та же. Война. Но только с точки зрения не полководцев, а простых, в том числе в буквальном смысле, рядовых солдат. Есть мнение, что, следуя Бисмарку, в качестве победителя в этой войне можно назвать *сельского учителя*. Но только в отличной от бисмарковской трактовке. А трактовка это такая.

Основное отличие Красной Армии периода Отечественной войны от регулярных армий всех времен и народов в том, что в случае выбытия из строя в боевых условиях командира практически любого уровня его место в боевом порядке самостоятельно, без какой-либо санкции на то занимал младший по званию, зачастую просто рядовой. У немцев при выбытии офицера, ведущего, например, роту в атаку, из строя (ну, допустим, убило его) атака неизбежно захлебывалась, и рота отходила. Психология немецкого солдата и даже офицера, выпестованная на сословных табу, не позволяла даже подумать без чьего-либо на то одобрения занять место выше того, которое ему было указано в общественной, а значит и армейской иерархии. У нас же идея равенства, взращенная в основном на базе единой средней школы, позволяла любому бойцу безбоязненно доставать в случае необходимости тот самый «маршальский жезл», который, согласно версии Наполеона, носит в заплочном ранце каждый хороший солдат. Так вот, именно этот самый сельский учитель и вкладывал деревенским паренькам, что они такие же, как все, ничем не хуже любого полководца, им все по плечу и, что самое главное, *все по праву*. А право, как осознание своей значимости и своей ценности для окружающих – очень большое дело.

В работе [8] описаны события на советско-германской границе накануне немецкого вторжения 22 июня 1941 г. Нашим Генеральным штабом было запрещено выводить регулярные части на боевые позиции, чтобы не провоцировать немецкое командование. Однако было несколько случаев, когда целые дивизии Красной Армии, вопреки грозному приказу, все же покинули свои места постоянной дислокации и были приведены в боевую готовность. Командиры этих частей, в чинах не ниже генерала, самостоятельно приняли решения по выводу личного состава и боевой техники из военных городков и занятию обороны на заранее подготовленных позициях. Для них ясно было, что в ближайшую ночь немцы перейдут границу. Если бы этого не произошло, всем им грозил бы расстрел за нарушение приказа свыше. Здесь не следует проводить параллель между сухопутными частями и военно-морскими силами, в частности, на Черном море. Последним было разрешено приводить в боевое состояние экипажи кораблей, так как внешне, со стороны, трудно распознать - находятся корабли в боевом положении или нет. Ведь экипажи все равно размещаются на борту, а спят ли они в кубриках или сидят у пушек на «Товсь», - с берега не видно. Поэтому об исключительной инициативе флотского командования и в особенности адмирала Кузнецова говорить едва ли правомерно. Он сделал все по уставу. А вот упомянутые пехотные командиры – это по-настоящему герои. Но не следует по этому поводу обвинять наше высшее командование в недалёковидности и в непринятии мер по своевременной подготовке к вторжению немцев. Молотов так комментирует эту ситуацию. К нему лично и напрямую в Генеральный штаб ежедневно на протяжении последних нескольких месяцев перед войной приходили донесения, что вторжение начнется буквально завтра и не позднее. А завтра наступало, и все оставалось тихо. Как можно было в такой ситуации кому-то поверить и начать всеобщую мобилизацию? Ведь страна-то не готова была к войне,

надо было еще год-два подождать, пока в войска не поступят новые образцы техники в нужном количестве. Но на местах, в то же время, очевидно, было лучше видно обстановку. Здесь каждый по-своему был прав.

Подобных ситуаций, когда генералы заведомо нарушали приказ, делая это не из трусости или тяжелого положения вверенных им частей, не было даже в царской армии. Вспомним Бородинское сражение. Восьмая атака французов на левом фланге русской армии, где командует Багратион. Он возглавляет контратаку лично, мчась впереди кирасирской дивизии навстречу французским маршалам. Есть все шансы на успех, можно отбить и эту, восьмую, но...осколок ядра смертельно ранит Багратиона в ногу. Его увозят в тыл. А что же контратака? Хотя дивизия кирасир ушла вперед, французские маршалы, воспользовавшись его отсутствием и минутным замешательством, захватили флешы и появились на фланге 1-й армии. Контратака захлебнулась, и левому флангу пришлось отойти за Семеновский овраг. Но ведь рядом-то с Багратионом были другие генералы, и достаточно храбрые, чтобы возглавить контратаку, но не положено, как бы. В командование войсками 2-й армии вступил генерал Коновницын, но он все же был больше штабным виртуозом, нежели полевым командиром, да и находился не в рядах контратакующих. Поэтому Кутузов назначает на его место, узнав о трагедии, генерала Дохтурова. Но время уже упущено. Только рейд казаков Платова и кавалерийского корпуса Уварова в тыл французам останавливает Наполеона от «ввода в дело» свою молодую гвардии и резервную кавалерию.

Мне опять же могут возразить, напомнив эпизод на Курганной батарее, когда последняя была захвачена французской бригадой под командованием Бонами, и буквально тут же была отбита батальонами Уфимского полка, командование которыми взял на себя проезжавший позади батареи генерал Ермолов, а также сопровождавшей его конной артиллерией, развернутой 28-летним генералом Кутайсовым. Но не надо забывать, что Ермолов был тогда начальником штаба 1-й армии, а Кутайсов, погибший в этой схватке, – начальником артиллерии всей русской армии. Они оба по статусу могли возглавить эту контратаку.

А вот эпизод из боевых действий в 1943 г. Как приказал И. Сталин к 7 ноября был освобожден город Киев. Наши части неожиданно с верхнего, Лютежского плацдарма форсировали Днепр и, охватив Киев с запада, вышли к расположению мощной основной группировки немцев, ожидавшей наше форсирование с нижнего плацдарма. Войска немцев в это время готовились отбить Киев. В этой ситуации 53-я танковая бригада под командованием известного впоследствии Михаила Драгунского, тогда в чине полковника, попала в окружение и запросила командование фронта о помощи. Для деблокирования бригады Драгунского в созданный спешно прорыв была брошена 21-я гвардейская танковая бригада из состава 5-го гв. мех. корпуса под командованием Героя Советского Союза полковника Овчаренко. В прорыв пошли рано утром 10 октября на 85-и танках около 400 чел. Бои пришлось вести, в частности, с двумя немецкими танковыми дивизиями СС – «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» (в каждой в среднем по 200 танков). Вернулись на другой день вечером 17 чел. лишь на одном танке. Из них только двое офицеров. Потом выходили группами в течение - еще чел. 50. Сам Овчаренко и его весь штаб в этом рейде погиб. Бригада М. Драгунского благополучно вышла из окружения, а сам ее командир в дальнейшем получил две генеральские звезды, возглавив Антисионистский комитет в 50-х годах. Это события в общих чертах. А в частности этот рейд проходил следующим образом. 21-я бригада шла одной колонной по проселочной дороге. Когда поднялись на одну из возвышенностей, слева из засады по колонне ударила противотанковая немецкая батарея. Несколько головных танков было подбито. В этой ситуации, оказавшийся

в той части колонны, где горели подбитые танки, лейтенант-помпотех (помощник командира одной из танковых рот по технической части) встал поперек дороги с хворостиной и под начавшимся минометным обстрелом развернул всю колонну в направлении лощины, в обход высоты. То есть этот лейтенант взял на себя в критической ситуации полномочия начальника штаба бригады. Когда к нему подбежал позднее командир второго батальона капитан Дианов с криком: «Разворачивай!». Тот ответил: «Я уже развернул». Дианов опять же: «А кто приказал?». Ответ помпотеха: «Никто не приказывал». За такое своеволие можно было бы и под трибунал попасть. Шутка ли – колонну танковой бригады на боевом марше развернуть в сторону. Это был первый бой того помпотеха, недавно пришедшего в бригаду из военного училища, еще не «обстрелянного» даже.

А ночью этот же помпотех, посланный в разведку в район деревни Германовки, обнаружив на главной улице деревни два наших танка Т-34 с неукомплектованными и деморализованными экипажами, и видя, что немцы на околице уже устанавливают противотанковую пушку, взял на себя командование одним из танков и в темноте вывел его через кладбище в штаб бригады, точнее, то, что от него осталось, расположившемся в одной из балок. При этом в танке ему места не было, он сел верхом на пушку, достал для острастки пистолет (водитель боялся ехать через кладбище – танк мог сесть брюхом на одну из могил и с рассветом стал бы отличной мишенью, так как на украинских кладбищах не сажают деревьев) и в сплошной темноте ноябрьской ночи спас экипаж и танк. Именно на этом, последнем уцелевшем танке те 17 чел. и вышли к своим. Помпотех был сыном раскулаченного крестьянина из чувашской деревни, выросший на спец. поселении на Урале и перед самой войной окончивший физико-математический факультет Казанского университета. За свой первый бой он получил звание гвардейца и орден Красной звезды – неслыханную награду для простого помпотеха роты. В бригаде о нем впоследствии ходили легенды. За мужество и отвагу, проявленные в период войны Верховный главнокомандующий генералиссимус Советского Союза *товарищ Сталин* вынес ему 12 (двенадцать!) благодарностей [22]. Это мой дед *Иванов Анатолий Иванович*. Ему в этом, 2022 г., ему бы исполнилось 105 лет. Я горжусь моим дедом. Такими были социальные отношения в частях действующей Красной Армии в ВОВ.

А теперь вспомним более поздний период – холодную войну. После запуска первого искусственного спутника в СССР в 1957 г. Америка оказалась в состоянии шока. Лучшие аналитики были брошены на выяснение причины ее отставания в освоении космоса. Причина эта вскоре была выявлена. Ею оказалось несоответствие школьной подготовки в Америке. Началась срочная реформа американской средней школы. Все это достаточно известно. Но вот как американцы начали реформировать свою среднюю школу – об этом мало кто знает. Оказывается, главным моментом реформы была отмена сегрегации в школе. То есть Америка пошла по пути единой школы. И, как мы знаем, добилась громадных успехов. А мы же в последнее время наоборот все дальше и дальше отходим от единой средней школы, вводя всякие лицеи, гимназии, школы с углубленным изучением того-то и того-то. Внешняя цель – сделать школу более рентабельной, кто лучше соображает – влево, кто хуже – направо. А эта та экономия и оборачивается большими убытками. Во-первых, появляются неполноценные школьники по своему мироощущению, а во-вторых, теряются одаренные головы (как это ни парадоксально), так как настоящий талант в школьные годы почти не проявляется. Ведь талант – это не свойство человека хорошо соображать, это определенный психологический стиль, закладывающийся в человеке на основе очень различных реалий и впечатлений. Очень хрупкий стиль, легко ранимый и

уже не восстанавливаемый при неблагоприятных социальных впечатлениях у того же подростка.

Многие благие намерения людей диалектикой ставятся часто с ног на голову. Так, демократические лозунги, как мы видим по опыту последних лет в нашей стране, оборачиваются разрастающейся буйным цветом коррупцией на всех уровнях власти, а, казалось бы, самые жестокие тоталитарные постулаты, как следует из истории нашей же страны, дают возможность взрастить целостную личность, приносящую пользу и себе, и обществу в целом.

Упомянутая здесь коррупция, война с которой возглавляется в последнее время чуть ли не самим Президентом России, кроме чисто социальных издержек, влечет за собой огромный экономических ущерб. Это, конечно же, в первую очередь не целевое использование государственных средств, попросту их разворовывание и вывоз этих средств в виде капитала за рубеж. Но это само по себе не самое страшное. Вывоз отечественного капитала при большом положительном сальдо внешнеторгового баланса и низкой монетизации всей экономики в определенных случаях только благо для страны [23]. Хуже то, что деньги не идут на обновление фондов, т.е. налицо низкий эффект от формальных инвестиций во все сферы государственного сектора. А это значит, что при величине государственного сектора в российской экономике, достигающей 30%, оптимальные макроэкономические параметры финансового менеджмента сдвигаются в области, препятствующие экономическому росту [24]. А это значит, что шансы для России выйти на конкурентный уровень в промышленном производстве все убывают.

Литература

1. *Братищева Е.Н.* Нелинейный оптимальный портфель с долями портфельных и прямых инвестиций // Управление финансовыми рисками. 2020. № 1 (61). С. 62-69.
2. *Иванова В.* Математическая модель оценки устойчивости и динамики инновационной деятельности // Общество и экономики. 2019. № 2. С. 43-63.
3. *Павленко Ю.* Современное гражданское общество // Вопросы экономики. 2008. № 10. С. 96-107.
4. *Иванов Н.А., Павлычева А.А.* Перестройка глобальной финансовой архитектуры как результат динамики фундаментальных цивилизационных противоречий // Вопросы новой экономики. 2016. № 4 (40). С. 48-55.
5. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева / Послесловие С. Кулешова. – М.: Изд. центр «Терра», 1991. – 623 с.
6. *Аникин А.В.* Золото: Международный экономический аспект. – М.: Междунар. отношения, 1984. – 320 с.
7. *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну; День «М»: Когда началась Вторая мировая война. - М.: ТКО «АСТ», 1994. - 576 с.
8. «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?: Незапланированная дискуссия: Сборник материалов» /. Составитель В.А. Невежин В.А.; Под редакцией Бордюгова Г.А. - М.: «АИРО-XX», 1995. - 185 с.
9. *Элен П.* Освенцим и теология // Вопросы философии. 2001. № 4. С. 10-15.
10. *Кара-Мурза С.Г.* Россия в «глобализирующем» мире // Экономическая теория на пороге XXI века – 5: Неэкономика / Под ред. Ю.М.Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С.Зотовой. – М.: Юрист, 2001. С. 42-51.
11. *Рыжкин И.Я.* Атональная додекафоническая музыка // Вопросы эстетики. Вып. 2. М.: 1959. С. 148-175.

12. *Солженицын А.* Один день Ивана Денисовича – М.: Советский писатель, 1963. - 144 с.
13. *Иванова Е.Н.* Паритетный курс в новой экономике //Экономическая теория на пороге XXI века. – 5: Неэкономика. /. Под ред. Ю.М.Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С.Зотовой. – М.: Юрист, 2001. С. 452-464.
14. Шаповалов В.Ф. Основы философии современности. К итогам XX века: Курс лекций для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей вузов. – М.: Флинт: Наука, 1998. – 272 с.
15. *Черная Л.Б.* Коричневые диктаторы: (Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, Риббентроп). – М.: Республика, 1992. – 384 с.
16. *Фест И.* Гитлер: Биография. Т.1. (Пер. с нем.) – Пермь: Культурный центр «Алетейа», 1993. - 368 с.
17. *Фромм Э.* Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» – VIA, 1992. – 296 с.
18. Диалектический материализм: Учебник / Акад. Обществ. Наук при ЦК КПСС; Редкол.: Б.Н.Бессонов (отв. ред. и др.) – М.: Мысль, 1989. – 397 с.
19. *Борисов А.Ю.* СССР и США. Союзники в годы войны - М.: Междунар. отношения, 1983. С. 95.
20. *Мальков В.Л.* Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии: Историко-документальные очерки. – М.: Мысль, 1988. 348 с.
21. *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. – 4-ое, доп. изд. – М.: Междунар. отношения, 1989. 456 с.
22. Мемуары (воспоминания, документы, комментарии) Иванова А.И. (г. Ярославль) - М.: Фонд А.И. Солженицина. Рег. № Р-322, 1998. 35 с.
23. Профиль, № 41, ноябрь 2001. С. 28 – 31.
24. *Иванова Е.Н.* Золотовалютные резервы развивающихся стран: оптимизационный подход // Факторы и механизмы устойчивости предприятий. Вып.1 / Под ред. А.В. Евсеенко - Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. -.240 с.